

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-178-186
УДК 94 (47)

О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века

Денис Александрович ЛЯПИН

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Российская Федерация, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, 26
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>, e-mail lyapin-denis@yandex.ru

On the record of peasants in service class people of South of Russia fortresses in the late of 16th century

Denis A. LYAPIN

Bunin Yelets State University
26 Kommunarov St., Yelets 399770, Lipetsk Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>, e-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности записи крестьян в служилые люди в конце XVI века в условиях отмены норм Юрьева дня. В рассматриваемый период времени на южной окраине России возводились новые крепости. Их население было представлено служилыми людьми разных социальных групп, главным образом, городскими казаками и стрельцами. Правительство разрешало брать на службу крестьян, которые были готовы поменять свой социальный статус. Показаны специальные правила записи крестьян в служилые люди, а также рассмотрены особенности организации их службы первое время в гарнизоне крепости.

Ключевые слова: крестьяне; стрельцы; казаки; служилые люди; крепостное право

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронтир: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Ляпин Д.А. О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 178-186. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-178-186

Abstract. We consider peasants record features in service class people in the late of 16th century in the conditions of St. George's day norms cancellation. During the period under review, new fortresses were built on the southern outskirts of Russia. Their population was represented by serving class people of different social groups, mainly, city Cossacks and streltsy. The government allowed employing peasants who were willing to change their social status. We show the special rules of recording peasants in service class people, also we consider their service organization features for the first time in the garrison of the fortress.

Keywords: peasants; streltsy; Cossacks; service class people; serfdom

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Lyapin D.A. O zapisi krest'yan v sluzhilyye lyudi krepostey Yuga Rossii v kontse XVI veka [On the record of peasants in service class people of South of Russia fortresses in the late of 16th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov*

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. окружение нового царя, Федора Ивановича, принимает ряд мер по защите южных границ государства, которые предполагали строительство крепостей [1, с. 93-187]. Вскоре на территории «Поля» в небольшой промежуток времени возникают новые военные форпосты Москвы: Воронеж (1586), Ливны (1586), Елец (1592), Оскол (сегодня – Старый Оскол) (1596), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599) и Царев-Борисов (1599). Под власть московского царя перешли обширные территории, доходившие до среднего течения реки Дон (Воронеж) и верховьев Северского Донца (Белгород, Царев-Борисов).

Жителями этих крепостей являлись, главным образом, служилые люди «по прибору», то есть те, кого обычно набирали из разных социальных групп, и чья служба не обязательно являлась наследственной. Это были стрельцы, городовые казаки, пушкарки, а также затинщики (обслуживающие артиллерию на укрепленных стенах – за тыном). Как показывают сохранившиеся документы о заселении Ельца, гарнизоны крепостей пополнялись в значительной степени крестьянами из региона Верхней Оки [2; 3, с. 307-403]. Однако хорошо известно, что в конце XVI века нормы Юрьева дня были официально отменены и сельское население лишилось права свободного перехода на другие земли [4–6]. С.Б. Веселовский и Б.Д. Греков считали, что это случилось в 1580–1581 гг., когда появился указ, объявлявший временный запрет (без указания сроков) на выход крестьян [7, с. 228; 8, с. 310-358]. Современные исследователи согласны с тем, что сельские жители примерно в 80–90-е гг. XVI века потеряли право свободного выхода со своих земель [4; 5; 9].

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, как крестьяне оказывались частью служилого мира крепости в условиях отмены норм Юрьева дня и какова их роль в заселении крепостей. Несмотря на то, что мы ограничиваем наше исследование только концом XVI века, когда были сделаны первые решительные шаги к закреплению сельских жителей, полученные результаты можно распространить и на весь XVII век, поскольку

особенности записи на службу почти не менялись в течение долгого времени.

Наша статья также связана с важной проблемой изучения социального состава населения Юга России накануне Смутного времени. Известно, что этот регион сыграл большую роль в поддержке Лжедмитрия I в 1605 г., а затем и в разразившемся в 1606 г. восстании И.С. Болотникова.

Первые обстоятельные труды по изучению южнорусской окраины, принадлежавшие перу Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского, были направлены, в большей степени, на изучение хозяйственной истории региона [10–12]. Только С.Ф. Платонов впервые указал на то, что социальная история южного пограничья заслуживает отдельного внимания, учитывая активность местного населения в годы Смуты [13, с. 43].

Советские историки, изучающие такие бурные события начала XVII века, как Крестьянскую войну (точнее – Первую Крестьянскую войну, поскольку восстание Степана Разина интерпретировалось как Вторая Крестьянская война), считали, что на южной окраине страны было много беглых крестьян и холопов, которые якобы и выступили против царя Василия Шуйского в 1606–1607 гг. [14–17]. Утверждалось, что поскольку сельские пахари окончательно лишились права свободного выхода, то именно они имели все основания для восстания против власти. По мнению исследователей, недовольные отменой Юрьева дня крестьяне бежали на окраины страны, где жили незаконно и ждали случая, чтобы в подходящий момент выступить против властей.

Так, К.В. Базилевич подчеркивал, что крестьяне и холопы Юга России являлись грозной, оппозиционной властям силой, а в Смуту к ним присоединились еще и казаки, посадские люди и стрельцы «пограничных городов» [18]. В.И. Буганов считал, что крестьяне, лишившись права свободного выхода с земель, бежали на южные окраины в поисках свободы, а здесь их активно поддерживали местные «городские люди» [19, с. 26]. А.А. Зимин предлагал все население региона считать единой массой, угнетаемой государством, хотя только крестьяне и «горожане»

Юга России, по его мнению, подняли восстание против Москвы в 1604 г., ставшее ответом «на рост крепостничества в годы правления Годунова» [20, с. 240]. Р.Г. Скрынников предположил, что основной категорией населения южного пограничья были мелкие служилые люди, хотя местные крестьяне и беглые холопы сыграли заметную роль в восстании против Бориса Годунова [21, с. 53-55].

Как видим, несмотря на очевидную актуальность изучения социальной истории Юга России накануне Смуты, советские историки обращались к этой проблеме больше гипотетически. Заранее предполагалось, что крестьяне и холопы составляли значительную часть местного населения, причем крестьяне были беглые, так как их выступление против Москвы в годы Первой Крестьянской войны было ответом на лишение права выхода в Юрьев день.

Среди современных исследований можно выделить несколько направлений, близких нашей теме. Так, М.Ю. Зенченко посвятил специальную работу освоению южнорусского пограничья, но сделал акцент на изучении политической истории региона. Выделив два типа развития местных городов и уездов, он показал некоторые особенности их развития [22]. Следует также отметить работы в области изучения фронтальной зоны Юга России тамбовских специалистов [23]. Вопросы социальной истории в контексте пограничной ситуации на юго-западной окраине страны затрагивались в работе А.И. Папкова [24; 25]. Социально-политические аспекты освоения территории окраины Российского царства были в центре внимания В.Н. Глазьева [26–30].

Когда мы говорим о социальной истории XVI–XVII веков, важно помнить, что она не должна сводиться только лишь к описанию внутренней структуры и организации конкретных служилых групп. Историку следует уделять большее внимание анализу специфики их поведенческих моделей, а для того чтобы лучше понять эту сторону существования служилых сообществ, нужно остановиться на вопросе социального происхождения его представителей. Нормы и правила, присущие той или иной группе населения, оказывают существенное влияние на организацию повседневной жизни человека в тра-

диционном обществе, каким являлась Российское государство.

Перейдем к цели нашей работы – изучению процесса записи крестьян в служилые люди в условиях отмены норм Юрьева дня. Необходимо сразу отметить, что процесс набора служилых людей в новые крепости не был стихийным явлением, а осуществлялся по определенным правилам, которые становятся понятны при изучении сохранившихся документов. Прежде всего, эти правила касались перевода на службу в стрельцы и городовые казаки лиц из той же социальной группы. В каждой крепости должен был существовать ограниченный военный контингент (обычно, две или три сотни стрельцов и казаков), соответственно этому количеству людей в крепость поступало жалование. В этой связи пополнить гарнизон новой крепости могли лица, уже состоящие на службе в другом городе или крепости, но в таком случае вместо себя они были обязаны оставить своего родственника. Отметим, что здесь играло роль еще одно важное обстоятельство: опытные воины имели семьи, а семья была важной поддержкой человека в новых сложных реалиях, которые неизбежно возникали в условиях степного пограничья.

Однако военное население крепостей было не столь велико, служилые люди редко могли найти себе замену, и при этом незаконный уход со службы рассматривался властями как бегство и сурово карался. В этой связи именно крестьяне становились важным источником для формирования необходимого контингента служилого населения новой крепости. Но каким образом это могло происходить в условиях, когда сельским жителям было запрещено покидать свои земли?

Следует сказать, что в конце XVI века (и на протяжении всего XVII столетия) далеко не все крестьяне оказались прикреплены к земле, а только те, которые состояли в «тягле», то есть имели земельные участки (пахали «крестьянскую пашню») и обрабатывали землю своего помещика (или же платили ему оброк). В свою очередь, братья, племянники, дальние родственники или просто знакомые («подсосудники»), жившие с ними в одном дворе, были вполне свободны в своих перемещениях [31, с. 227]. Они могли свободно передвигаться и в том числе записываться на военную службу. Это обстоятельство было

применимо не только для южной окраины страны, но являлось общим правилом. Весьма показательна в этой связи содержание льготной грамоты Духову монастырю 1585 г. на земли в Новгородском уезде, где сказано, что монастырь может заселить новые земли крестьянами, но только *«нетяглыми, з деревень от отцов – детей, и от дядь – племянников, и от братии – братию. А с тяглых ему мест крестьян на льготные деревни не называти (то есть не звать)»* [4, с. 414].

По всей видимости, таких свободных крестьян (не состоящих в тягле) было достаточно много, поскольку они пополняли гарнизоны крепостей на протяжении всего XVII века. В Москве всегда разрешали запись сельских жителей, не входивших «в тягло», в служилые люди, хотя те и не являлись профессиональными воинами. Это были, главным образом, крестьяне, которые жили во дворах у своих родственников и знакомых, не платили налогов и не пахали пашню помещика.

Однако еще один важный момент связан с тем обстоятельством, что правительство разрешало набирать на службу и тех крестьян, которые состояли «в тягле», при условии, что они оставляли на пашне своего помещика замену себе по распространенному тогда принципу: *«от отцов – дети, от братьев – братья, от дядь – племянники»*.

Главное, что запись в служилые люди «по прибору» всегда была добровольной, и именно это определяло ее специфику в дальнейшем. Многие крестьяне, даже прикрепленные к земле, имели возможность поменять свой социальный статус, получить новые возможности. Кроме того, переселенцам выдавалось «государево жалование»: по 12 четвертей муки (около 47 кг) и 3 рубля денег. В челобитной елецких казаков по этому поводу читаем: *«По твоему государеву указу прибирали нас, холопей твоих, головы и сотники на твой государев на новай город на Елец отцов дети, от братьи братья, от дядь племянники, а сказывали государь, нам халопам твоим, твоего государево жалования по три рубли денег, да по 12 четвертей хлеба»* [2, с. 11].

Первые жители крепости первоначально приезжали без семьи и поступали в распоряжение местных властей, чтобы участвовать в постройке крепостных укреплений: возводи-

ли стены, копали рвы и насыпали валы. Когда строительство укреплений заканчивалось, можно было возвращаться к местам своего бывшего проживания за женами и детьми.

Вернуться, однако, удавалось не всем и не сразу. Дело в том, что очень часто крестьяне записывались на службу незаконно, бросив свои доли на пашне помещика, не оставив вместо себя родственника. В других случаях крестьянин соблюдал все необходимые правила, но уже сам землевладелец использовал все средства, чтобы задержать его: не отдавал имущество и не отпускал родных, а иногда «вымучивая» отказ от службы у самого «новоприбранного». На этой почве происходило множество споров и разбирательств, сведения о которых сохранились в документах о строительстве Ельца.

В случае, если крестьянин уходил от помещика без соблюдения действующих правил, оставленный без рабочих рук землевладелец писал жалобу с приложением свидетельств своей правоты. В Москве в этих случаях выдавали грамоты, позволяющие пострадавшему забрать своих крестьян обратно. К сожалению, эти документы не сохранились до нашего времени (мы имеем только упоминания о них), и трудно сказать, какое ведомство выдавало их помещикам.

Однажды елецкий городской голова Иван Никитич Мясной выдал несколько казаков особенно настойчивым помещикам, имевшим «государевы грамоты» на своих бывших крестьян. Этот прецедент напугал служилых людей, и из крепости началось массовое бегство, причем бежали и те, кто записался на службу вполне законно. Многие беглецы даже успели получить жалование и начать постройку дворов, которые теперь были заброшены. Общее число беглецов составило почти половину военного гарнизона Ельца, что указывает на многочисленность крестьянского компонента среди служилого населения крепости.

Действия головы И.Н. Мясного вызвали резкую критику со стороны главы Посольского приказа дьяка А. Щелкалова (этот Приказ отвечал за заселение новых земель): *«Писал еси к нам, что по нашему указу на Елец казаков ты, и головы, и сотники казацьи по городом прибрали, и которых казаков прибрали, и тем казаком наше хлебное и де-*

нежное жалование дано. И дети боярские привозят наши многие грамоты, и вы ис казаков и ис стрельцов и ис пушкарей детям боярским выдаете назад, и от того многие казаки дрогнули, разбежались по городом, и в осадное время быти не с кем. И ты дуруешь, что казаков выдаешь. А к вам наша грамота послана – не велено казаков выдавать детям боярским. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б казаков берег и за них стоял и детям боярским не выдавал, они в казаки написались, а братья их и дядья и отцы живут на их долях за детьми боярскими» [2, с. 45-46].

Это послание ясно показывает, что правительство запрещало выдавать стрельцов и казаков их бывшим помещикам, даже если те имели специальные грамоты. Здесь мы видим весьма распространенную практику, связанную с тем, что высшая власть старалась принимать решения, исходя из конкретной проблемы, не боясь показаться противоречивой и непоследовательной.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют сделать точные подсчеты численности служилых людей по прибору, набранных из крестьян. Мы можем только сказать, что их было не менее половины от общей численности гарнизона, который составил в Ельце в 1593 г. 820 человек.

У каждой группы населения крепости были свои места проживания – слободы, свои районы для выпаса скота, участки под пашню и свои внутренние взаимоотношения. Слобода состояла обычно из ста дворов служилых людей, при этом она делилась на две полусотни, включавшие в свой состав по десять дворов, то есть слобода повторяла структуру войска¹. Земельные владения за пределами крепостных стен давались каждой сотне стрельцов и казаков в общее пользование и обрабатывались также коллективно.

Таким образом, служилое население представляло собой единую систему, объединенную разными способами социальной организации, которая успешно функционировала не только в военном отношении, но и в хозяйственно-бытовом. Это способствовало

развитию корпоративной психологии, делавшей вчерашних крестьян на обособленные группы, часто вступающие в конфликты между собой [32]. Так, елецкие городовые казаки в 1592 г. жаловались на то, что стрельцы не дают им спокойно патрулировать участок крепостной стены, проходящий возле их слободы. «...И нас, холопей твоих лают собаками, а воеводы, государь, нам от них оборони не учиняют», – сетовали елецкие казаки [2, с. 24].

Бывшие крестьяне быстро осваивались в новых условиях: они активно вовлекались в споры и конфликты между своими начальниками, испытывали «обиды и насильства» от сослуживцев и командиров среднего звена, выезжали патрулировать степь, участвовали в строительстве крепости, в общем, переносили все тяготы своего нового положения.

Жители крепости активно занимались промыслами, бортничали, ставили неводы на реках, пахали огороды – словом, жили в свободное от службы время привычной им хозяйственной жизнью. Опыт ведения хозяйственной деятельности компенсировал отсутствие военных навыков, поскольку от первых поселенцев требовалось не столько умение воевать, сколько выживать, приспосабливаться к новым условиям.

У нас нет никаких четких свидетельств того, что крестьянин (неважно – свободный от тягла или нет) стремился записаться в службу по причине бедности. Напротив, документы свидетельствуют, скорее, в пользу хорошего материального обеспечения новобранцев. Вот описание имущества крестьянина, перешедшего в казачью службу в 1593 г. в Елец: у него было 17 рублей, «два мерина: мерин рыж, а другой гнед, цена 6 рублей... да две коровы цена 2 рубля, да две шубы бораных, да серьяга сера, а цена шубам и серьягам полтора рубля, да десятеро овец 3 рубля, да десятеро свиней 3 рубля ж, да всякая рухледь (имущество. – Д. Л.) подворенная, а у брата моего... лошадей, коров, овец, свиней и всякой подворной рухледи и платья на 40 рублей с полтиною, да хлеба: 20 чети ржи, 20 чети овса, 3 чети пшеницы, 3 чети гороху, 4 чети гречи, 5 чети ячмени и 2 чети семени конопляного» [2, с. 25].

В другом случае пришедший на службу в Елец бывший крестьянин перечисляет свое имущество, удержанное его бывшим поме-

¹ Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 2. М., 1859. С. 40.

щиком так: «мерин гнед, да корова, да теллица, да пятеро овец, да десятеро свиней, да четыре полтины мяса, да двадцать куриц, да взял у меня ормяк, да крашенину, да шапку женскую камчатую белую, да шапку нагольную лисью, да коробью с рубашками, да два круга, да сошники с полицами, да две косы, да четыре серпа, [да] котел пивной с кручем, да две бочки пивных, да четыре напола, да три кадки с капустою, да...хлеба тритцать чети ржи, да сорок чети овса, да пять чети гречихи, да осьмину проса, а оземь полторы десятины» [2, с. 52].

Таким образом, в конце XVI века и, видимо, на протяжении всего XVII столетия в России существовали специальные правила, позволяющие крестьянам, даже в условиях отмены норм Юрьева дня, записываться в служилые люди. Благодаря этому обстоятельству правительству каждый раз удавалось пополнять гарнизоны крепостей, если это нужно было сделать в короткий срок.

Участие служилого населения Юга России в событиях Смутного времени требует отдельного специального изучения так же,

как и исследование мотивов поддержки местными жителями самозванцев. Мы можем только предположить, что активность стрельцов и городских казаков, этих вчерашних крестьян, была вызвана их традиционными представлениями о царе, свойственными для низов общества и основанными на их ментальности, на что обратила внимание М. Перри [33]. Она отметила, что самозванство как общественное явление было тесно связано с традициями социальной организации и формами поведения низов русского общества [33, р. 242, 249]. Действительно, быть может, эти стрельцы и казаки, вчерашние крестьяне, которым дали в руки оружие, и которые добровольно выбрали военное занятие, не выработали еще присущей служилым людям формы поведения, характеризующейся строгим подчинением власти и жесткой дисциплиной. По своим взглядам они так и остались крестьянами, имевшими традиционные, патерналистические представления о высшей власти и царе, которые проявились в их симпатиях «истинному царевичу Дмитрию» [34].

Список литературы

1. Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства. Воронеж, 1991.
2. Российской крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах / подг. текста и коммент. В.Н. Глазьев, А.В. Новосельцев, вст. ст. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин. Елец, 2001.
3. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967.
4. Аракчеев В.А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI – начале XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 106-117.
5. Петрухинцев Н.Н. Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в. // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 23-40.
6. Шевченко М.М. История крепостного права в России. Воронеж, 1981.
7. Веселовский С.Б. Отмена Юрьева дня // Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 217-251.
8. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси: в 2 т. М., 1954. Т. 2.
9. Ляпин Д.А. Социальная организация сельского населения юга России в XVII в. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 601-614.
10. Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890.
11. Багалеи Д.И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». Спб., 1896.
12. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1884.
13. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1910.
14. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951.
15. Смирнов И.И. Крестьянская война 1606–1607 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. Москва; Ленинград, 1966. С. 6-93.
16. Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси в XVII в. М., 1927.
17. Фирсов Н.Н. Смута и народ на Руси в XVII столетии. М., 1919.

18. *Базилевич К.В.* История СССР от середины XV до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1946.
19. *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
20. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
21. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
22. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008.
23. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.
24. *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // История: Факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 24-36.
25. *Папков А.И.* Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.
26. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в. Воронеж, 2001.
27. *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007.
28. *Глазьев В.Н.* Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 23-33.
29. *Глазьев В.Н.* Размещение стрельцов в городах Черноземного края // Историческая география черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 42-49.
30. *Глазьев В.Н.* Стрельцы и их начальники в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. № 1. С. 188-202.
31. *Беляев И.Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004.
32. *Ляпин Д.А.* От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: Факты и символы. 2016. № 2. С. 9-16.
33. *Perry M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995.
34. *Рощупкин А.Ю.* Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI в. // История: Факты и символы. 2015. № 2. С. 42-51.

References

1. *Zagorovskiy V.P.* *Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva* [History of the Central Black Earth Joining the Russian State]. Voronezh, 1991. (In Russian).
2. *Glazyev V.N., Novoseltsev A.V.* (text prep. and comments), *Glazyev V.N., Tropin N.A.* (foreword). *Rossiyskaya krepost' na yuzhnykh rubezhakh. Dokumenty o stroitel'stve El'tsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592–1594 godakh* [Russian Fortress on the Southern Borders. Documents on the Construction of Yelets, the Settlement of the City and the Surrounding Area in 1592–1594s]. Yelets, 2001. (In Russian).
3. *Anpilogov G.N.* *Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII veka* [New Documents of Russia the Late 16th – the Early 17th Century]. Moscow, 1967. (In Russian).
4. *Arakcheyev V.A.* *Zakreposhcheniye krest'yan v Rossii v kontse XVI – nachale XVII v.* [Enslavement of peasants in Russia in the late 16th – the early 17th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2009, no. 1, pp. 106-117. (In Russian).
5. *Petrukhintsev N.N.* *Prichiny zakreposhcheniya krest'yan v Rossii v kontse XVI v.* [Peasants enslavement reasons in Russia in the late 16th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2004, no. 7, pp. 23-40. (In Russian).
6. *Shevchenko M.M.* *Istoriya krepostnogo prava v Rossii* [History of Serfdom in Russia]. Voronezh, 1981. (In Russian).
7. *Veselovskiy S.B.* *Otmena Yur'yeva dnya* [Cancellation of St. George's day]. *Moskovskoye gosudarstvo: XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediya* [Moscow State 15th – 17th Centuries. From the Scientific Heritage]. Moscow, 2008, pp. 217-251. (In Russian).
8. *Grekov B.D.* *Krest'yane na Rusi: v 2 t.* [Peasants in Ancient Rus: in 2 vols.]. Moscow, 1954, vol. 2. (In Russian).
9. *Lyapin D.A.* *Sotsial'naya organizatsiya sel'skogo naseleniya yuga Rossii v XVII v.* [The Social organization of the rural population of South Russia in the 17th century]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 601-614. (In Russian).

10. Bagaley D.I. *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy* [Materials for the Colonization History and Life of Kharkiv and Partly Kursk and Voronezh Governorate]. Kharkiv, 1890. (In Russian).
11. Bagaley D.I. *K istorii zaseleniya i khozyaystvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraya. Otzyv ob issledovanii I.N. Miklashevskogo «K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva»* [To the History of Settlement and Economic Life of Voronezh and Kursk Region. Review of the Study by I.N. Miklashevsky "To the History of Moscow State Economic Life"]. St. Petersburg, 1896. (In Russian).
12. Miklashevskiy I.N. *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [To the History of Moscow State Economic Life]. Moscow, 1884. (In Russian).
13. Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* [History Essays of the Time of Troubles in the Muscovite State 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1910. (In Russian).
14. Smirnov I.I. *Vosstaniye Bolotnikova. 1606–1607* [Bolotnikov Uprising. 1606–1607]. Moscow, 1951. (In Russian).
15. Smirnov I.I. *Krest'yanskaya voyna 1606–1607 gg.* [The peasant war 1606–1607s]. *Krest'yanskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia 17th – 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, 1966, pp. 6-93. (In Russian).
16. Firsov N.N. *Krest'yanskaya revolyutsiya na Rusi v XVII v.* [Peasant Revolution in Russia in the 17th Century]. Moscow, 1927. (In Russian).
17. Firsov N.N. *Smuta i narod na Rusi v XVII stoletii* [Time of Troubles and People in Ancient Rus in the 17th Century]. Moscow, 1919. (In Russian).
18. Bazilevich K.V. *Istoriya SSSR ot serediny XV do kontsa XVII veka. Kurs lektsiy, pročitannykh v Vysshey partynoy shkole pri TSK VKP(b)* [History of the USSR from the Middle of 15th to the Late 17th Century. Course of Lectures Given at the Higher Party School of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. Moscow, 1946. (In Russian).
19. Buganov V.I. *Krest'yanskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia 17th – 18th Centuries]. Moscow, 1976. (In Russian).
20. Zimin A.A. *V kanun groznykh potryaseniy. Predposylki Pervoy Krest'yanskoy voyny v Rossii* [On the Eve of Terrible Bewilderments. Background of the First Peasant War in Russia]. Moscow, 1986. (In Russian).
21. Skrynnikov R.G. *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Social and Political Struggle in the Russian State in the Early 17th Century]. Leningrad, 1985. (In Russian).
22. Zenchenko M.Y. *Yuzhnoye rossiyskoye porubezh'ye v kontse XVI – nachale XVII v.* [South Russian Frontier in the Late 16th – the Early 17th Century]. Moscow, 2008. (In Russian).
23. Mizis Y.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The Russian frontier formation problem on the south of Russia in the 16th – first half of 18th century in the national historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History*, 2011, no. 1, pp. 9-16. (In Russian).
24. Papkov A.I. Bunt ili izmena? Vosstaniya sluzhilykh cherkas na yuge Rossii v 40-e gody XVII veka [Revolt or treason? Rebellion of cherkas service class people on the South of Russia in the 40s of the 17th century]. *Istoriya: Fakty i simvoly – History: Facts and Symbols*, 2017, no. 4 (13), pp. 24-36. (In Russian).
25. Papkov A.I. *Porubezh'ye rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoj (konets XVI – pervaya polovina XVII veka)* [The Frontier of the Tsardom of Russia and the Ukrainian Lands of the Polish–Lithuanian Commonwealth (the End of 16th – First Half of 17th Century)]. Belgorod, 2004. (In Russian).
26. Glazyev V.N. *Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.* [Authority and Society on the South of Russia in the 17th Century]. Voronezh, 2001. (In Russian).
27. Glazyev V.N. *Voronezhskiye voyevody i ikh okruzheniye v XVI–XVII vekakh* [Voronezh Voivodes and their Entourage in 16th – 17th Centuries]. Voronezh, 2007. (In Russian).
28. Glazyev V.N. *Voronezhskiye strel'tsy i ikh rol' v ekonomicheskom razvitii kraja* [Voronezh streltsy and their role in the region economic development]. *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma* [The History of Settlement and Economic Development of the Voronezh Region in the Feudalism Era]. Voronezh, 1987, pp. 23-33. (In Russian).
29. Glazyev V.N. *Razmeshcheniye strel'tsov v gorodakh Chernozemnogo kraja* [Placement of streltsy in the cities of the Black Earth Region in the 17th century]. *Istoriyeskaya geografiya chernozemnogo tsentra Rossii, (dooktyabr'skiy period)* [Historical Geography of the Black Earth Center of Russia (Pre-October Period)]. Voronezh, 1989, pp. 42-49. (In Russian).
30. Glazyev V.N. *Strel'tsy i ikh nachal'niki v XVI v.* [Streltsy and their commanders in the 16th century]. *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki* [Military History: Studies and Sources], 2015, no. 1, pp. 188-202. (In Russian).

31. Belyayev I.D. *Zemskiy stroy na Rusi* [Zemsky System at the Ancient Rus]. St. Petersburg, 2004. (In Russian).
32. Lyapin D.A. Ot krepostey k gorodam: povsednevno-bytovyye i povedencheskiye modeli naseleniya yuzhno-russkoy kreposti kontsa XVI v. [From fortresses to cities: everyday life and behavioral population models of the South Russian fortress of the late 16th century]. *Istoriya: Fakty i simvolyy – History: Facts and Symbols*, 2016, no. 2, pp. 9-16. (In Russian).
33. Perry M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia*. Cambridge, 1995.
34. Roshchupkin A.Y. Sotsial'noye soznaniye sluzhilogo cheloveka yuzhnogo pogranič'ya Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI v. [Service class people social consciousness of the southern frontier of the Muscovite state in the late 16th century]. *Istoriya: Fakty i simvolyy – History: Facts and Symbols*, 2015, no. 2, pp. 42-51. (In Russian).

Информация об авторе

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и историко-культурного наследия. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Липецкая область, г. Елец, Российская Федерация. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Вклад в статью: анализ научной литературы и архивных документов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Поступила в редакцию 15.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 08.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Denis A. Lyapin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the History and Historical and Cultural Heritage Department. Bunin Yelets State University, Lypetsk Region, Yelets, Russian Federation. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Contribution: scientific literature and archival documents analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Received 15 July 2019

Reviewed 8 August 2019

Accepted for press 23 August 2019